

Будапешт всегда против: стратегия Венгрии в рамках китайского направления внешней политики Евросоюза

Сергей Александрович Шеин, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: adudaiti@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В условиях общерегионального императива внешней политики Европейского союза долгосрочным вызовом для ее реализации в отношении Китайской народной республики выступает степень внутрисюзного единства. Особое внимание в этом контексте привлекает кейс венгерского правительства В. Орбана, которое не только оспаривает основные параметры внешней политики ЕС, но и активно развивает многоаспектные отношения с Китаем. Будапешт формулирует собственную стратегию в отношении Пекина, но реализует ее в рамках институциональной среды евроинтеграционного проекта. Цель данного исследования – охарактеризовать роль и стратегию Венгрии на китайском направлении внешней политики ЕС. Используя разработанную К. Грон и А. Вивелом классификацию стратегий поведения малых государств в институциональной среде ЕС для максимизации своего влияния, мы приходим к выводу о том, что правительство Венгрии выбирает стратегию «нормативного предпринимательства» по вопросам, связанным с Китаем. Указанная стратегия решает две основные задачи: 1) оппонирует пониманию стратегической автономии, доминирующему в Европейском союзе; 2) представляет собой попытку создать плацдарм для перехода к стратегии «медиатора» между Брюсселем и Пекином, дающей Будапешту возможность повысить статус в рамках европейского интеграционного проекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегическая автономия ЕС, дерискинг, отношения ЕС – КНР, Венгрия, стратегии малых государств в ЕС

Европейский союз в условиях геополитических изменений, таких как новая фаза украинского кризиса с 2022 г., интенсифицирует процесс поиска баланса между транслированием норм и ценностей на международной арене и обеспечением собственной безопасности и стабильного развития, что отмечалось еще с середины 2010-х годов¹. Указанный процесс требует более прагматичных, адаптивных и зачастую транзакционных подходов во внешней политике. Одной из арен для поиска указанного баланса становятся отношения Европейского союза с Китайской Народной Республикой. ЕС одновременно продолжает попытки вовлечь Китай в решение глобальных и региональных проблем, заставить его надавить на Россию в ходе продолжающегося украинского конфликта, и стремится обеспечить собственную экономическую безопасность в отношениях с КНР.

В результате на уровне институтов ЕС получила развитие концепция дерискинга, или «снижения рисков»². «Поставленная на щит» Европейской комиссией У. фон дер Ляйен в 2023 г. концепция предполагает не разрыв связей (декаплинг) с Китаем, а «управление уязвимостями» в отношениях с ним. При этом на внутрисоюзном уровне значимым барьером для реализации последовательного внешнеполитического курса ЕС в отношении КНР в целом и дерискинга в частности представляется устойчивое расхождение позиций национальных государств в отношении последней.

В академической дискуссии о внутрисоюзных противоречиях по вопросу отношений Евросоюза с Китаем обычно подчеркивается особая роль Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Как правило, тематические акценты в работах расставляются двумя основными способами. В первом случае магистральной темой видятся попытки КНР влиять на ЕС через государства ЦВЕ. Дискуссия, содержащая полярное видение роли Китая (от развиваемого им прагматичного сотрудничества³ до экономической экспансии⁴), фактически лишает субъектности государства ЦВЕ, делая их «ареной взаимодействия» двух игроков – КНР и ЕС. Во втором случае авторы пытаются оценить реальные эффекты от сотрудничества с КНР для государств региона: мотивации и запросы последних в отношении Китая, палитру мнений о нем и их динамику, особенно в рамках проекта «16+1»⁵; результаты взаимодействия КНР и государств ЦВЕ в торгово-экономической и инвестиционной сферах⁶.

Исследования стратегий отдельных государств ЦВЕ, хотя и присутствуют в литературе⁷, требуют большей проработки. В особенности это касается Венгрии. Венгерская внешняя политика часто определяется как прагматичная с точки зрения подчеркивания национальных (не общеевропейских) интересов в процессе ее реализации, что делает ее постоянным внутренним вызовом для внешней политики объединения. Вкупе с восприятием Венгрии со стороны Китая как

1 Wagner, Anholt 2016.

2 "Speech by President von der Leyen on EU-China Relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre," European Commission, March 30, 2023, accessed December 8, 2025, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063.

3 Pavličević 2019.

4 Kaczmarek 2017.

5 Matura 2019.

6 Garcia-Herrero, Xu 2017; Болгова et al. 2022; Перминова et al. 2024.

7 Bajero, Turcsanyi 2019.

основного партнера в ЕС и наличием у правительства В. Орбана собственной стратегии «Открытости на Восток» представляется логичным, что еще одной ареной конфликта Венгрии и Евросоюза становятся отношения с Китаем.

Политику Венгрии в отношении Китая рассматривают и через призму особенностей политического режима В. Орбана¹; и как «стратегический актив» для торга с ЕС для демонстрации своей «суверенной» внешней политики²; и как ресурс для противостояния «либеральному» Западу за счет китайских инвестиций³. Указанные работы, несмотря на фиксацию тренда на попытки В. Орбана оппортировать ЕС и продвигаемой европейской модели либеральной демократии (зачастую и в несколько преувеличенном и претенциозном виде), не уточняют отдельные аспекты его стратегии, не фиксируют ее динамику и характерные черты, возможности ее типологизации и классификации. Важно, что стратегия В. Орбана реализуется в тех рамках, которые задает евроинтеграционный проект, а также актуальная политика Евросоюза в отношении КНР.

Цель данного исследования – охарактеризовать стратегию Венгрии в отношении КНР в контексте внешней политики ЕС и евроинтеграционного проекта. Аналитическим инструментом выступит типология стратегий малых государств Евросоюза («государство-лоббист», «государство-медиатор» и «государство – нормативный предприниматель») политологов К. Грэн и А. Вивела⁴. В качестве эмпирического материала будут использованы официальные заявления и выступления венгерского премьер-министра по вопросу отношений с КНР; официальные документы ЕС, заявления председателя Европейского совета, председателя Европейской комиссии и Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности ЕС относительно европейско-китайских отношений.

Статья состоит из двух частей. В первой части дана характеристика внешней политики ЕС в отношении КНР в контексте реализации концепции дерискинга и строительства стратегической автономии Евросоюза во внешней политике в целом. Во второй части проанализирована стратегия Венгрии в отношении КНР с использованием типологии моделей поведения малых государств в ЕС.

Дерискинг в отношении КНР как часть курса ЕС на стратегическую автономию

Отношения между ЕС и КНР с 1990-х гг. до настоящего времени характеризуют многоуровневость и нелинейность. Ученые из ИМЭМО РАН, исследуя структуру отношений ЕС – КНР, проводят аналогии с тремя тематическими «корзинами»: политико-стратегическая «корзина», которая включает вопросы глобального управления, урегулирование международных кризисов (ядерные программы Ирана и КНДР, ближневосточный конфликт и т.д.), климатических и миграционных проблем и пр.; экономико-технологическая «корзина» и гуманитарная «корзина»: культурные обмены, соблюдение прав человека и развитие гражданского

1 Song, Li 2024.

2 Chen, Gao 2022;

3 Turcsanyi 2020.

4 Grøn, Wivel 2011.

общества¹. С помощью первой «корзины» ЕС попытался «привить» Китаю как новому глобальному полюсу ориентацию на принцип многополярности при ответе на глобальные вызовы, хотя торгово-экономический базис (вторая «корзина») выступал драйвером развития отношений.

В первые полтора десятилетия постбиполярного мира глобальный экономический рост Китая и становление современной институциональной конфигурации ЕС и его международной субъектности (после вступления в силу Маастрихтского договора в 1993 г.) внушали оптимизм относительно их возможных перспектив взаимодействия не только в рамках экономической, но и политико-стратегической «корзины». После событий 11 сентября 2001 г. и начала войны в Ираке в 2003 г., взаимодействие Китая и ЕС получило такой импульс, что в Соединенных Штатах начали беспокоиться о том, что «стратегическое партнерство» ЕС и Китая ослабит трансатлантический союз².

С начала 2010-х гг. истеблишмент Европейского союза выбрал более осторожную и прагматичную стратегию в отношении Китайской народной республики из-за пошатнувшихся позиций на фоне кризиса зоны евро, а также интенсивного глобального роста азиатского государства. Руководство ЕС значительно снизило свои ожидания от последнего в плане принятия либеральных норм, а баланс сил в рамках партнерства существенно изменился в пользу КНР. В последующем отношения с Китаем во внешней политике Европейского союза стали объектом секьюритизации. Немаловажную роль в этом процессе сыграли не только напряжение в американо-китайских отношениях с приходом Д. Трампа и растущая взаимозависимость ЕС и КНР, но и реакция объединения на инфраструктурный проект «16+1» (сейчас «14+1») с точки зрения экономической и, как следствие, политической экспансии Китая в Центральную и Восточную Европу.

Развитие амбивалентного подхода ЕС к КНР получило закрепление в документе «Стратегический обзор европейско-китайских отношений» 2019 г.³, где Китай одновременно воспринимался как «партнер, соперник и конкурент». По сути, это означало «смещение» всех трех «корзин», поддерживающих многоуровневый характер диалога двух сторон и повышающих возможности поиска компромиссов. Вышесказанное привело к срыву Всеобъемлющего инвестиционного соглашения ЕС и КНР в 2021 году. Чуть позже интенсификация продвижения Европейским союзом концепции стратегической автономии как реакции на новую фазу украинского кризиса в 2022 г. усилила актуальные тенденции восприятия Китая на уровне институтов объединения.

Продвижение концепции стратегической автономии и / или стратегического суверенитета⁴ в своем первоначальном варианте предполагало рост оборонных возможностей ЕС, возможность самостоятельного осуществления военных операций ограниченного масштаба и т.д. Позже повестка стратегической автономии расширилась на три измерения: возможности защитить ЕС от иностранной агрессии или влияния, обеспечить основу для более конкурентной экономики,

1 Вартазова, Кобринская 2021.

2 Scott 2007.

3 "EU-China – A Strategic Outlook," European Commission, March 12, 2019, accessed December 8, 2025, <https://tinyurl.com/438uas4d>.

4 Арбатова 2021; Романова et al. 2023.

защитить нормы и ценности объединения в глобальной среде¹. Как указывает политолог Т. Романова, с одной стороны, категории «суверенитет» и «автономия» помогают ЕС продолжить экспорт своих норм и ценностей. С другой, охраняют специфику ЕС, ограничивают возможности негативного использования взаимозависимости соперниками и защищают положение ЕС в транслируемой системе норм². Таким образом, ЕС адаптировал свое классическое неолиберальное видение окружающего мира к современному кризису миропорядка, что еще больше снизило гибкость и адаптивность подходов к КНР на уровне институтов объединения, а также продолжило ее позиционирование в официальном дискурсе как экономической угрозы и политического оппонента.

Дерискинг в отношении КНР в контексте стратегической автономии ЕС представляет собой своего рода «третий путь». Он позволяет Евросоюзу не синхронизировать свои подходы с США в их противостоянии с Китаем и в то же время избегать чрезмерной зависимости от последнего – критической, с точки зрения истеблишмента ЕС, для европейской экономики и ценностей.

Ключевым институциональным игроком, обеспечивающим наполнение концепции и ее соблюдение государствами – членами интеграционного объединения, выступает Европейская комиссия (ЕК). Подход У. фон дер Ляйен к «снижению рисков» раскрывается в ее речи о перспективах взаимоотношений ЕС с КНР для Европейского политического центра и Института Мерикса в 2023 году. Хотя выступление включало тезис о том, что позиция КНР по украинскому конфликту является определяющей для двусторонних отношений с ЕС, основной посыл речи был сосредоточен на экономическом и технологическом измерении конкуренции с Китаем. Последний описывался как «все более репрессивный внутри страны и напористый за рубежом»³.

Дерискинг, с точки зрения председателя ЕК, включает в себя четыре основных элемента: более конкурентоспособная и устойчивая экономика самого ЕС; решение задач «зеленой» трансформации; обеспечение ЕС редкоземельными металлами; более эффективное использование торговых инструментов во взаимодействии с КНР⁴. За счет дерискинга ЕК предполагает ребалансировку отношений с КНР⁵, что подразумевает восстановление баланса в двусторонних торговых отношениях и обеспечение более широкого доступа европейских предприятий, товаров и услуг на китайский рынок⁶.

Хотя в концепции акцентируются вопросы торговли и доступности рынков, дерискинг не мешает восприятию европейцами их отношений с КНР как основного драйвера динамики мирового порядка. Особую роль это приобретает в контексте начала «тарифной войны» президента США Д. Трампа в 2025 г., которая

1 Helwig 2023.

2 Романова et al. 2023, 8.

3 "Speech by President von der Leyen on EU-China Relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre," European Commission, March 30, 2023, accessed December 15, 2025, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_23_2063.

4 "Special Address by President von der Leyen at the World Economic Forum," European Commission, January 21, 2025, accessed December 15, 2025, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_25_285.

5 "President von der Leyen Calls for a Rebalanced Trade Relation with China in 'Summit of Choices'," European Commission, December 8, 2023, accessed December 14, 2025, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/et/ac_23_6446.

6 "Read-out of the Phone Call Between President von der Leyen and Chinese Premier Li Qiang," European Commission, April 8, 2025, accessed December 14, 2025, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/read_25_1004.

повышает заинтересованность ЕС в собственных ресурсах устойчивости; в этих условиях КНР может выступить в качестве партнера¹. Однако «дерискинг» «переливается» и в политико-стратегическую «корзину» в европейско-китайских отношениях, подразумевая наличие политических рисков для Евросоюза со стороны КНР. Так, бывший Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель, комментируя ситуацию вокруг Тайваня, традиционно сигнализировал Китаю о «недопустимости любых односторонних попыток изменить статус-кво силой или принуждением», но при этом подчеркивал обеспокоенность ЕС собственной безопасностью: «проблема заботит нас экономически, коммерчески и технологически»².

Таким образом, дерискинг укрепляет амбивалентное восприятие КНР руководством Евросоюза, объединяя и смешивая все три функциональные, или секторальные, «корзины» взаимодействия. Вышесказанное ведет к политизации драйвера двусторонних отношений – торгово-экономического сотрудничества. При этом в условиях отсутствия в ЕС единства относительно того, как воспринимать КНР, подобный амбивалентный подход создает разнонаправленные импульсы для государств-членов с точки зрения возможности реализации собственных форматов взаимодействия с Китаем.

Венгрия: «нормативный предприниматель» в рамках китайского направления внешней политики ЕС

В 2011 г. датские политологи К. Грэн и А. Вивел попытались концептуализировать и классифицировать стратегии, которые применяют малые государства в ЕС в «постлиссабонский» период для максимизации своего влияния в рамках интеграционного объединения³. Стратегии были сформулированы не столько в отношении конкретных вопросов евроинтеграционного строительства, сколько применительно к поведению малого государства в институциональной среде ЕС в целом. Как результат, указанная классификация включала в себя три возможные «умные» стратегии: «лоббиста», «медиатора» и «нормативного предпринимателя»⁴.

В случае первой стратегии предполагалось, что малое государство в ЕС ввиду отсутствия ресурсов будет просто приспосабливаться к существующим правилам игры, пытаясь при этом минимизировать издержки от решений, принятых в интересах крупных стран Евросоюза. В рамках стратегии «государства-медиатора» институциональные процедуры ЕС (например, право вето в Совете) выделялись инструментами малого государства для максимизации собственной выгоды, поскольку блокирование указанных рычагов принятия решений ставило под угрозу консенсус в интеграционном объединении. Как результат, европейские

1 "Read-out of the Phone Call Between President von der Leyen and Chinese Premier Li Qiang."

2 Josep Borrell Fontelles, "Europe Between Two Wars: EU Foreign Policy in 2023," European Union External Action, 2024, accessed December 14, 2025, <https://tinyurl.com/hdw5fffm>.

3 Grøn, Wivel 2011.

4 Необходимо отметить, что в оригинале вторая стратегия носит название «эгоистичного медиатора», подчеркивая конкретный интерес государства – члена ЕС в процессе коммуникации и согласования позиций ведущих государств-членов. С точки зрения упрощения восприятия классификации в статье будет использована формулировка «стратегия медиатора».

институты должны были вступить торг с «шагающим не в ногу» участником, не смотря на его малый политический вес.

Наконец, с точки зрения К. Грэн и А. Вивела, малые государства в институциональной архитектуре ЕС имели возможность компенсировать дефицит влияния через стратегию «нормативного предпринимательства», активно продвигая альтернативные идеи, концепции и ценности для значимого изменения общесоюзных подходов в различных областях (экологические стандарты, права человека и т.д.). Важно, что влияние в этом контексте основано именно на продвижении идей, а не на попытке контролировать процесс принятия решений, как в случае второй стратегии. В рамках этой стратегии особое внимание уделяется именно дискурсивному оформлению оппозиции институтам Евросоюза (хотя датские политологи на это прямо и не указывали). Успех стратегии зависит от способности выбравшего ее государства формировать коалиции и предлагать инновационные решения, которые другие участники воспримут как легитимные.

В этом контексте представляется продуктивным применение указанной классификации для анализа стратегии Венгрии в рамках китайского направления внешней политики ЕС. Внешнеполитический курс В. Орбана характеризуется интенсивной диверсификацией внешнеэкономических связей в противовес ориентации на Евросоюз, а также привлечением масштабных китайских инвестиций в инфраструктуру, энергетику и технологии. При этом подобный курс подразумевает максимизацию своего влияния в рамках институциональной среды ЕС.

Таблица 1.

ОСНОВНЫЕ КИТАЙСКО-ВЕНГЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
MAIN CHINA-HUNGARY PROJECTS AT THE PRESENT STAGE

Проект	Описание и итоги
Железная дорога «Будапешт – Белград»	Крупный инфраструктурный проект по модернизации и строительству высокоскоростной железнодорожной линии между столицами Венгрии и Сербии. Ввод в эксплуатацию венгерского участка дороги планируется не ранее 2027 года.
Строительство завода аккумуляторов для электромобилей компанией CATL в Дебрецене	Локализация производства тяговых батарей для электромобилей европейских автопроизводителей. Запуск планируется в 2026 году.
Строительство завода BYD в Сегеде	Первый европейский завод китайского автопроизводителя электромобилей. Строительство было начато в 2024 г., планируется закончить к 2026 году.
Создание логистического хаба в аэропорту «Будапешт Ферихедь»	Совместное предприятие CECZ (China-East Europe-Central-Europe) и венгерского аэропорта для создания крупнейшего в Восточной Европе грузового хаба. В данный момент используется.
Сотрудничество в сфере 5G и телекоммуникаций (Huawei)	Huawei является ключевым партнером в развертывании 5G-сетей в Венгрии.
Строительство кампуса Университета Фудань в Будапеште	Планы по созданию полноценного кампуса китайского университета в столице Венгрии. Однако проект временно заморожен ввиду реакции со стороны ЕС.

Источник: составлено автором.

В. Орбан главным образом реализует стратегию «нормативного предпринимательства» в том, что касается вопросов сотрудничества с Китаем (с 2024 г. отношения с последним получили статус «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства»). Стратегия направлена на продвижение альтернативных норм на уровне общесоюзной политики. Стоит отметить, что она, по сути, не

приносит Венгрии политических дивидендов и повышает конфликтный потенциал в отношениях с ЕС. При этом ее вполне можно расценивать как плацдарм для реализации другой стратегии – «медиатора» – в том случае, когда нормы в отношении КНР на общесоюзном уровне окажутся «размыты», а переговорщики для диалога с ней будут востребованы.

«Нормативное предпринимательство» венгерского премьер-министра проявляется в ряде аспектов, которые, казалось бы, выходят за рамки отношений ЕС и КНР. Во-первых, речь идет об оспаривании норм либеральной демократии путем продвижения альтернативного взгляда на западные центры силы. Тезис В. Орбана о том, что нельзя «экономически открыться странам Востока, в первую очередь Китаю, а затем каждое утро читать им лекции о правах человека», противопоставляет политику Венгрии ценностно-ориентированному курсу ЕС в отношении государств, не входящих в состав объединения¹. Этот подход был оформлен в «программной» речи венгерского премьера в 2014 году. Тогда В. Орбан, выступая в Румынии, раскритиковал европейские элиты в ценностных и политических вопросах².

Отсюда получает развитие венгерский дискурс «уважения суверенитета» применительно к Китаю. Последний необходим для обоснования «нормальности» тесных отношений с КНР государствами – членами ЕС, поскольку, словами В. Орбана, «это – модель для будущего Европы». Вышесказанное позволяет правительству Венгрии использовать сотрудничество с Китаем для укрепления суверенистского подхода и демонстрации независимости от политики Евросоюза, который указывает на недемократичность управления страной В. Орбаном. Показательно, что Венгрия в 2021 г. заблокировала принятие совместного заявления ЕС, осуждающего принятие Закона КНР о государственной безопасности для Гонконга³.

Во-вторых, экономическое восприятие Китая как «возможности» В. Орбаном резко контрастирует с мероприятиями «дерискинга». Премьер-министр Венгрии транслирует следующий посыл: укрепляющаяся экономика Китая открывает колоссальные возможности для государств ЦВЕ, а его взаимодействие с регионом – это история успеха⁴. Ориентация на «стратегическое сотрудничество» КНР с Центральной Европой основывается на убеждении, что «китайский производственный капитал, который представляет собой высокую добавленную стоимость, может найти свой путь в Европу через ворота Центральной Европы». Таким образом, налицо попытка выстроить среди государств – членов ЕС коалиции, экономические по своей сути и интересам, но основанные на региональной идентичности (китайский производственный капитал как «прекрасная возмож-

1 "Orbán Speech at the Lámfalussy Conference," Ministry of Foreign Affairs and Trade of Hungary, January 23, 2017, accessed December 7, 2025, <https://bern.mfa.gov.hu/eng/news/prime-minister-viktor-orbans-speech-at-the-lamfalussy-conference>.

2 "Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Bálványos Summer Free University and Student Camp," Website of the Hungarian Government, July 30, 2014, accessed December 7, 2025, <https://tinyurl.com/284ap3ah>.

3 "Hungary Blocks EU Statement Criticising China over Hong Kong, Diplomats Say," Reuters, April 16, 2021, accessed December 8, 2025, <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/hungary-blocks-eu-statement-criticising-china-over-hong-kong-diplomats-say-2021-04-16/>.

4 "PM Orbán: China's Strengthening Economy Offers a Fount of Opportunities to Countries in Central and Eastern Europe," About Hungary, November 28, 2017, accessed December 8, 2025, <https://abouthungary.hu/news-in-brief/pm-orban-chinas-strengthening-economy-offers-a-fount-of-opportunities-to-countries-in-central-and-eastern-europe>.

ность для нас, жителей Центральной Европы»¹). Вышесказанное представляется маркером стратегии «нормативного предпринимательства».

Ориентация Венгрии на тесное взаимодействие с Китаем, позитивное восприятие венграми концепции «Пояс и путь» (и формата «14+1») и сотрудничества КНР с восточноевропейцами нацелено скорее не на снижение экономической зависимости от ЕС, что в принципе не видится возможным, а представляется частью политики по оспариванию европейских норм в отношении КНР. Так, согласие на строительство фабрики *CATL* или завода *BYD* в противовес официальному дискурсу ЕС о чрезмерной зависимости от Китая носит во многом символический характер (см. *Таблицу 1*).

Наконец, дискурс В. Орбана с конца 2022 г., отражает восприятие КНР как миротворца в ходе украинского урегулирования². Правительство Венгрии наращивает дипломатическую активность, выступает за скорейшие мирные переговоры между Россией и Украиной, что, с его точки зрения, повлечет за собой и интенсификацию экономических отношений ЕС и КНР. Отдельно стоит отметить, что В. Орбан использовал председательство Венгрии в Совете ЕС (с 1 июля по 31 декабря 2024 г.) в качестве площадки для проецирования нормативного лидерства.

Производным подхода В. Орбана в отношении КНР и ее роли в урегулировании украинского кризиса выступает оспаривание стратегической автономии ЕС. Китайский кейс – это еще одна возможность для В. Орбана подчеркнуть необходимость автономии суверенных национальных государств внутри Евросоюза, а не создание единого субъекта под руководством ЕС, подразумевая ориентацию на превращение Европейского союза в реального «актора в сфере безопасности» в контексте украинского кризиса или, словами У. фон дер Ляйен, создание из ЕС «Оборонного союза».

Таблица 2.

**ПОДХОДЫ ЕС И ВЕНГРИИ К ТРЕМ «КОРЗИНАМ»
В ОТНОШЕНИИ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**
**EU AND HUNGARIAN APPROACHES TO THE THREE «BASKETS»
IN RELATIONS WITH CHINA AT THE PRESENT STAGE**

Актор	«Корзина»		
	Политико-дипломатическая	Торгово-экономическая	Культурно-гуманитарная
ЕС	Давление	Снижение рисков	Навязывание ценностной повестки
Венгрия	Поддержка	Интенсификация сотрудничества	Суверенизм

Источник: составлено автором.

Подводя итог, важно отметить, что В. Орбан также «разделяет» отношения ЕС и КНР на «корзины» – политико-стратегическую, торгово-экономическую и культурно-гуманитарную, – но оппонирует подходу Евросоюза в каждой из них (см. *Таблицу 2*). «Нормативное предпринимательство» Венгрии заключается

1 "Viktor Orbán's Speech at the Conference 'China-CEE Political Parties Dialogue,'" October 6, 2016, accessed December 8, 2025, <https://tinyurl.com/5brzyphu>.

2 "Xi Jinping Holds Talks with Prime Minister Viktor Orbán of Hungary," July 23, 2024, accessed December 8, 2025, <https://tinyurl.com/kbfz72vk>.

в попытке сделать прокитайскую позицию легитимной и приемлемой, а не маргинальной, что позволит затем перейти к стратегии медиации между ЕС и КНР.

* * *

Европейский союз позиционирует свою внешнюю политику как, по сути, общерегиональную, или общеевропейскую. В ее фарватере должны идти не только государства-члены, но и все европейские партнеры объединения (Швейцария, Норвегия, страны Юго-Восточной Европы и, с недавних пор, Британия). Китайское же направление внешней политики, концептуальным оснащением которого выступает дерискинг, лежит в основе понимания стратегической автономии Евросоюза руководства институтов ЕС и ведущих государств-членов. При этом для ряда малых стран ЕС, таких как Венгрия, оспаривание этого направления становится собственной стратегией.

Хотя Венгрия заинтересована в сотрудничестве с Китаем ввиду очевидных экономических возможностей (диверсификации венгерских экономических связей и привлечение инвестиций), роль и стратегия государства определяются логикой его поведения в рамках европейского интеграционного проекта. На фоне движения ЕС к стратегической автономии В. Орбан выбирает стратегию «нормативного предпринимательства», в рамках которой он оспаривает и стратегическую автономию ЕС, и отдельно курс в отношении Китая.

Подчеркивание «уважения суверенитета» КНР, восприятие ее как «экономической возможности» для ЕС и поддержка миротворческих усилий Китая в рамках украинского урегулирования выступают альтернативой общесоюзным нормам в отношении азиатского государства. При этом важно понимать, что роль «нормативного предпринимателя» вполне может трансформироваться в стратегию «медиатора», получающего дивиденды и от Евросоюза, и от Китая, в случае, когда нормы в отношении КНР уже будут размыты. Принимая во внимание совместные проекты в 2021–2025 гг., можно сделать вывод о том, что китайско-венгерское сотрудничество перешло от инфраструктурного этапа к многоуровневому партнерству, включающему в себя сферы промышленного производства, «зеленую» энергетику, НИОКР, образование и культуру. Венгрия продолжает восприниматься политическими элитами Китая как «ворота» в ЕС и плацдарм для «закрепления» в Европе, что обуславливает ее значимость для них. Последняя, с точки зрения правительства Венгрии, должна стать фактором повышения статуса государства в рамках институциональной структуры ЕС.

Вызовом для продолжения стратегии «нормативного предпринимательства» в отношении КНР стала победа оппозиционной силы «Тиса» на парламентских выборах в Венгрии 12 апреля 2026 года. Теперь вполне вероятно корректировка позиции государства в отношении Китая, ее частичная синхронизация с общесоюзной. Реализация подобного сценария будет означать отход от дискурсивного продвижения новых норм в отношении КНР, но сохранение и, возможно, расширение торгово-экономической «корзины» сотрудничества, исходя из наработанной базы взаимодействия двух государств. В таком случае высока вероятность того, что состоится переход Венгрии к стратегии «лоббиста», просто пытающегося минимизировать издержки для себя от решений ЕС в отношении КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арбатова, Н.К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 36–52. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04>.
- Arbatova, Nadezhda K. "Strategic Autonomy of the European Union: Reality or Good Intention?" *Polis. Political Studies*, no. 6 (2019): 36–52 [In Russian].
- Болгова, И.В., Мельникова, Ю.Ю., Лисякевич, Р. Формирование китайского направления политики ЕС: роль стран Центральной и Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 79–90. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90>.
- Bolgova, Irina V., Yulia Yu. Me'lnikova, and Rafal Lisjakiewicz. "The EU China Policy in the Making: The Role of Central and Eastern Europe." *World Economy and International Relations* 66, no. 6 (2022): 79–90 [In Russian].
- Вартазарова, Л.С., Кобринская, И.Я. Развитие взаимоотношений Евросоюз – Китай: экспертные оценки и прогнозы, риски и возможности для России // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 57–70. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-57-70>.
- Vartazarova, Ludmila S., and Irina Ja. Kobrinskaya. "Development of EU – China Relations: Expert Opinions and Forecasts, Risks and Opportunities for Russia." *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 2 (2021): 57–70 [In Russian].
- Перминова, А.А., Кадыров, С.С., Кривушкова, А.И. Регионализация мировой системы на примере взаимодействия КНР и стран Центральной и Восточной Европы в сфере транспортной инфраструктуры // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1. С. 243–262. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.12>.
- Perminova, Alexandra A., Samir S. Kadyrov, and Alexandra I. Krivushkova. "Regionalization of the World System: The Case of Interaction Between the PRC and Central and Eastern European Countries in Transport Infrastructure Projects." *Current Problems of Europe*, no. 1 (2024): 243–262 [In Russian].
- Романова, Т.А., Коцур, Г.В., Мазаник, С.В., Трещенков, Е.Ю. «Стратегический суверенитет» Евросоюза и интересы России. От теории к политическим рекомендациям. Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам. М.: Российский совет по международным делам, 2023.
- Romanova, Tat'yana A., Gleb V. Kotsur, Sergei V. Mazanik, and Evgenii Yu. Treshchenkov. "Strategicheskii suverenitet" Evrosoyuza i interesy Rossii. Ot teorii k politicheskim rekomendatsiyam. RIAC Policy Brief. Moscow: Russian International Affairs Council, 2023 [In Russian].
- Garcia Herrero, Alicia, and Xu Jianwey. "China's Belt and Road Initiative: Can Europe Expect Trade Gains?" *China & World Economy* 25, no. 6 (2017): 84–99. <https://doi.org/10.1111/cwe.12222>.
- Chen, Xuechen, and Xinchuchu Gao. "Analysing the EU's Collective Securitisation Moves Towards China." *Asia Europe Journal* 20, no. 2 (2022): 195–216. <https://doi.org/10.1007/s10308-021-00640-4>.
- Grøn, Caroline Howard, and Anders Wivel. "Maximizing Influence in the European Union After the Lisbon Treaty: From Small State Policy to Smart State Strategy." *Journal of European Integration* 33, no. 5. (2011): 523–539. <https://doi.org/10.1080/07036337.2010.546846>.
- Helwig, Niklas. "EU Strategic Autonomy After the Russian Invasion of Ukraine: Europe's Capacity to Act in Times of War." *Journal of Common Market Studies* 61, no. S1 (2023): 57–67. <https://doi.org/10.1111/jcms.13527>.
- Kaczmarek, Marcin. "Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union." *International Affairs* 93, no. 6 (2017): 1357–1376. <https://doi.org/10.1093/ia/iix182>.
- Matura, Tamas. "China-CEE Trade, Investment and Politics." *Europe-Asia Studies* 71, no. 3 (2019): 388–407. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1571166>.
- Pavličević, Dragan. "A Power Shift Underway in Europe? China's Relationship with Central and Eastern Europe Under the Belt and Road Initiative." In *Mapping China's 'One Belt One Road' Initiative*, edited by Li Xing, 249–278. London: Palgrave Macmillan, 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-319-92201-0_10.
- Scott, David. "China and the EU: A Strategic Axis for the Twenty-First Century?" *International Relations* 21, no. 1 (2007): 23–45. <https://doi.org/10.1177/0047117807073766>.
- Shambaugh, David. "China and Europe: The Emerging Axis." *Current History* 103, no. 674 (2004): 243–248.
- Song, Weiqing, and Xiaoping Li. "Eastern Opening Policy as Political Marketing: Populism and Hungary's Relations with China Under the Orbán Government." *Problems of Post-Communism* 71, no. 6 (2024): 592–600. <https://doi.org/10.1080/10758216.2024.2329878>.
- Bajerová, Alžbeta, and Richard Q. Turcsányi. "Between Defender of Values and Faithful Ally: Czech Approaches to China in the Prism of Role Theory Approach." *Studia Orientalia Slovaca* 18, no. 2 (2019): 93–120.
- Wagner, Wolfgang, and Rosanne Anholt. "Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising?" *Contemporary Security Policy* 37, no. 3 (2016): 414–430. <https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1228034>.

Сведения об авторе

Сергей Александрович Шеин,

к.полит.н., доцент Департамента зарубежного регионоведения,
старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных
исследований НИУ ВШЭ

119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17

e-mail: sshein@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 09 декабря 2025.

Переработана: 22 января 2026.

Принята к публикации: 30 января 2026.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01238, <https://rscf.ru/project/23-78-01238/>.

Цитирование

Шеин, С.А. Будапешт всегда против: стратегия Венгрии в рамках китайского направления внешней политики Евросоюза // *Международная аналитика*. 2026. Том 17 (1). С. 161–173. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-1-161-173>

Budapest is Always Opposed: Hungary's Role in EU Foreign Policy Toward China

ABSTRACT

Amidst the overarching imperative for a common foreign policy within the European Union, the long-term challenge to its implementation regarding the People's Republic of China is the level of intra-Union unity. Special attention in this context is drawn to the case of Hungary, which not only contests the fundamental parameters of the EU foreign policy but also actively develops multifaceted relations with China, formulating its own strategy towards the Middle Kingdom. Furthermore, this strategy of Budapest is implemented within the institutional framework of the European integration project. The aim of this article is to analyze the role and strategy of Hungary within the framework of the EU's foreign policy towards China. Utilizing the classification of strategies employed by the small member-states within the EU's institutional environment to maximize their influence, as proposed by K. Grøn and A. Wivel, we conclude that Budapest chooses a strategy of "normative entrepreneurship" when dealing with issues related to Beijing. This strategy addresses two primary objectives: 1) it opposes the dominant understanding of Strategic Autonomy within the European Union; and 2) represents an attempt to establish a foothold for transitioning to a "mediator" strategy between Brussels and Beijing, consequently elevating its status within the European integration project.

KEYWORDS

EU strategic autonomy, de-risking, EU-China relations, Hungary, small-state strategies in the EU

Author*Sergei A. Shein,*

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, School of International Regional Studies, Senior Research Fellow,
Center for Comprehensive European and International Studies, HSE University
17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 115184

e-mail: sshein@hse.ru**Additional information**

Received: December 09, 2025. Revised: January 22, 2026. Accepted: January 30, 2026.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Funding

The study was supported by the Russian Science Foundation project № 23-78-01238,
<https://rscf.ru/project/23-78-01238/>.

For citation

Shein, Sergei A. "Budapest is Always Opposed: Hungary's Role in EU Foreign Policy Toward China."
Journal of International Analytics 17, no. 1 (2026): 161–173.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-161-173>